

**Аузан.** Приветствую вас на очередном заседании диспут-клуба «Узлы экономической политики», диспут-клуба Ассоциации независимых центров экономического анализа и экономического факультета МГУ. Хочу сказать, что мы работаем сегодня в очень непростых условиях, потому что в пятой поточной происходит конкурс «Мисс Эконом», финал, поэтому люди просто рвутся между двумя аудиториями. Я вот только что оттуда.

**Гурвич.** То есть ты уже принял участие?

**Аузан.** Я не номинировался, Евсей Томович, если Вы имеете это в виду. В этот раз я не номинировался.

**Муж.** В таких конкурсах хорошо в жюри участвовать.

**Аузан.** Но я просто не исключаю, что минут через 40, когда, видимо, завершится последний тур, к нам неожиданно начнут подходить люди. Вы не пугайтесь, это будет означать просто, что пришли люди, которые жаждут истины, поняв, что такое красота.

Сегодня тема, которая не нуждается в пояснениях - это тема деофшоризации. Тема, которую обсуждают подлежащие деофшоризации, те, кто занимается деофшоризацией, те, кому поручено провести деофшоризацию. В общем, практически все круги российского общества. И сегодня у нас два участника этой темы, этого диспута, каждый из которых по своему погружен в эту тему. Борис Аронович Хейфец, главный научный сотрудник Института экономики РАН. И Кирилл Михайлович Никитин, директор Центра налоговой политики экономического факультета МГУ, партнер PwC.

Я думаю, что дальнейшие представления будут избыточны. Могу только напомнить, как все будет проходить.

На всякий случай напоминаю, как у нас проходит диспут. Первым будет выступать, я так понимаю, по договоренности сторон, Борис Аронович Хейфец с презентацией до 20 минут. Потом два вопроса ему задает Кирилл Михайлович, коротких вопроса, и получает два коротких ответа. Затем идет двадцатиминутная презентация Кирилла Михайловича, два коротких вопроса со стороны Бориса Ароновича и два коротких ответа. Этим завершается первая фаза и начинается вторая фаза диспута, когда мы собираем вопросы со стороны участников, слушателей к оппонентам. Мы просим называть себя, задавать вопрос.

Вопросы будут накапливаться. Первым начнет отвечать Кирилл Михайлович, а вторым будет отвечать Борис Аронович. По завершении ответов на вопросы, когда, мы надеемся, останется еще некоторое время до завершения диспута (а диспут у нас всегда продолжается ровно два часа, то есть он закончится в 20 часов 15 минут), оставшееся время, за исключением трех минут (чтобы участники диспута сказали заключительные слова), будет распределено между желающими выступить. Таким образом, регламент будет определен автоматически. Например, остается 18 минут и 18 человек хотят выступить – значит, регламент одна минута. Остается 18 минут и три человека хотят выступить – значит, регламент шесть минут. Это непредсказуемо, потому что количество ваших вопросов непредсказуемо. Мы просим просто иметь в виду участников диспута, что все-таки хорошо, чтобы люди из зала имели возможность не только спросить, но и сказать.

Собственно, это все. И далее я с удовольствием передаю ведение диспута сопредседателю клуба, президенту АНЦЭА Евсею Томовичу Гурвичу. Пожалуйста, Евсей Томович.

**Гурвич.** Спасибо. Анализируя ход наших диспутов, я осознал, что чем хуже идут дела в экономике, тем живее проходят наши диспуты. Поскольку, когда экономика равномерно росла, то и проблем, казалось, в экономической политике нет. А когда экономика впала в стагнацию, у нас каждая тема становится пугающей и актуальной.

Как деофшоризовать Россию – может быть, самая актуальная тема, поскольку почти каждый день что-то приносит новое. Вот сегодня было сообщение, что уже

подготовлен первый законопроект, касающийся деофшоризации, который во многом оказался неожиданным для заинтересованных сторон.

Основные вопросы, которые мы выносим на обсуждение: ограничены ли задачи деофшоризации исключительно фискальными целями? Как обеспечить запросы бизнеса, которые решаются через использование офшорных и низконалоговых юрисдикций? Как соотносятся задачи по обеспечению экономического роста с деофшоризацией? Какие меры могут обеспечить успешное принуждение к деофшоризации?

Мне кажется, что к этому можно было бы добавить обсуждение того, больше ли у нас распространена деофшоризация, чем в сопоставимых с нами странах, или так же, или меньше. Если больше, то почему она получила такое распространение? И главное – как сделать, чтобы более или менее было успешным принуждение к деофшоризации, но все-таки чтобы выполнялся главный принцип врачей, чья профессия, я считаю, сходна с нашей: не навреди.

Спасибо. Я передаю первым слово Борису Ароновичу. Пожалуйста, 20 минут Ваши.

**Хейфец.** Я прежде всего хочу поблагодарить за приглашение. Мне представляется очень интересной форма, которая у вас здесь, дискуссия. Действительно она позволяет выступающим, основным докладчикам посмотреть на себя и на то, что ты делаешь, с другой стороны. Так что, я думаю, это будет полезно.

Второе, что я хотел сказать. Тема, конечно, актуальная, но она актуальна давно, пожалуй, с начала 2000-х годов. Вы помните ролик: под картинку из зала английского суда звучит голос диктора: «Замучаетесь пыль глотать! Надо деньги возвращать в Россию!» С тех пор вывоз капитала увеличился. Было только два года, когда был приток капитала, положительное сальдо. Сейчас уже за первые два месяца этого года 35 миллиардов долларов, за прошлый год 65 миллиардов долларов. Правда, почему-то сократился объем сомнительных операций до 26 миллиардов долларов.

И вот я подумал: а почему все-таки, несмотря на то, что еще в декабре 2011 года, когда Путин вновь остро поставил этот вопрос, нет осязаемого прогресса в решении проблемы деофшоризации. Прошло уже больше двух лет, а реально кроме законопроектов, кроме обсуждений ничего не сделано. И вот я выделил для себя такие четыре причины, о которых я вам хочу сказать.

Первая причина. Анализ работы разных групп над антиофшорным законодательством показал, что существуют две основные позиции. Первая позиция - по отношению к незаконному вывозу капитала в офшоры, отмыванию капиталов. Это консолидированная позиция всех экспертов – резко отрицательная.

Вторая позиция. Здесь две группы интересов. Одна группа интересов заключается в том, что, в общем-то, офшоры помогают бизнесу, они выполняют функции защиты собственности, защиты прежде всего от рейдерства, компенсируют недостатки российских институтов, судебной системы, они способствуют реализации инвестиционных проектов, помогают получать кредиты и т. д. и т. п. А вторая группа интересов – естественно, что все равно это достаточно вредно для страны, что это несправедливо, когда низконалоговые юрисдикции используются для агрессивной минимизации налогообложения, тем самым мы подрываем налоговую базу бюджета.

Я, конечно, больше во втором пункте ко второй точке зрения склоняюсь. Просто замечу, что первый пункт – нелегальные капиталы, но они потом в офшорах фактически отмываются и становятся легальными. Как правило, они не тезаврируются где-то в пещерах, а вкладываются во вполне легальные активы.

Что касается моей позиции. Может быть, Кирилл мне будет оппонировать, но просто скажу, что да, действительно офшоры, компании в офшорах помогают решать отдельные задачи для бизнеса. Но почему в офшорах создаются центры концентрации прибыли? Ну сделайте там, инвестиционные компании какие-то, компании, которые могут выполнять функции по привлечению кредитов, даже трейдеров. Но центры концентрации

прибыли создавайте в России – платите налоги по российским ставкам. Кстати, это говорил президент России.

Разные точки зрения нашли отражение среди государственных органов. Группа Набиуллиной, когда она была еще в Минэкономразвития, группа Юдаевой, теперь они, в принципе, вместе в Центральном банке, делали упор на необходимость совершенствования условий ведения бизнеса в России, так называемого инвестиционного климата, и вот тогда не будет оттока капиталов из России, в том числе в офшоры. Мне кажется, только этих стимулирующих мер недостаточно, но, тем не менее, это тормозило разработку других мер. Так же, как сейчас преобладает, между прочим, репрессивный подход. Сейчас силовые структуры подключились к деофшоризации, Счетная палата, Росфинмониторинг. Это тоже односторонний подход. И вот Минфин в этом плане пытается как-то сочетать вот оба эти подхода.

Вторая причина. Я, постоянно сталкиваясь с этой проблемой. В разных аудиториях видел, что, в общем-то, мало кто понимает суть современного офшорного мира. Я могу спросить вас: что такое офшор? И я не знаю, ответите ли вы правильно. Но дело даже не в том. Мы, может быть, определим, что такое офшор. Три признака: низкие налоги, очень упрощенный уровень администрирования, легкие условия ведения бизнеса, второе, третье, что, в общем-то, вытекает из второго, трудность определения бенефициаров. Хотя, если разговаривать о налогах, то, в общем-то, налоги низкие не по отношению к любым доходам, а, как правило, к доходам, получаемым вне данной юрисдикции.

Однако современный офшорный мир гораздо сложнее. Если таких классических офшоров (их списки составляют, с конца 80-х годов, разные международные организации и отдельные страны) насчитывается от 40 до 60. У нас в списке 41 юрисдикция, в списке для межбанковских операций Центрального банка 54 юрисдикции, в других списках чуть побольше. Я подчеркиваю – юрисдикций. Потому что не поддерживаю то, что используется термин «офшорная зона», причем в нашем законодательстве. Это как раз из Налогового кодекса. Я не юрист, но термина «офшорная зона» в международных документах я не видел. Там называются офшорные финансовые центры, территории налогового рая и т.п. Но вот зоны. И отсюда пошло даже до нашего премьера – офшорная зона на Дальнем Востоке. Офшор - это не территория. Юрисдикция - это территория закона и определенных институтов прежде всего – судов и административных органов, которые следят и гарантируют выполнение этих законов.

Так вот после 2001 года (это атаки на башни в Соединенных Штатах Америки) в мире не было создано ни одной офшорной юрисдикции. Это надо понимать. А развитие офшоров шло, и, несмотря на то, что в 2000-е годы, усиливается антиофшорная политика и международного сообщества, и отдельных стран. И офшоры развивались по пути распространения на другие территории, по пути создания новых конфигураций. Кто-то называет их «офшорные цепочки», я это назвал «офшорные финансовые сети». Почему сети – потому что не всегда (и, кстати, в нашем законодательстве так пытаются установить связь между офшорными и неофшорными бизнес-структурами) связь между офшорной и офшорной компанией обусловлена владением собственностью, долями акций. Здесь может быть совершенно другая связь на основе неформальных, дружественных отношений и т. д. и т. п.

Получили распространение так называемые компании специального назначения – SPE, которые играют роль или центров владения холдингов, или тех же инвестиционных компаний, трейдинговых, брокерских компаний. Вы видите график, который показывает, сколько идет инвестиций в эти SPE, по отношению ко всем инвестициям, которые поступают в страну.

Видите, Нидерланды, которые не входят в наши списки. Счетная палата очень хороший доклад подготовила, на который сейчас делают ссылки, сколько у нас экспорта, сколько импорта связано с офшорами, а Нидерланды даже не учитываются. Хотя Нидерланды – это первая страна среди других, куда поступает значительная часть нашего

экспорта (по-моему, около 14% нашего экспорта). На втором месте Китай – в два раза меньше доля экспорта в Китай, чем в Нидерланды. Реально, конечно, в Нидерланды не поступает столько товаров, но тем не менее статистика такова.

Я сделал такой расчет. Да, я назвал юрисдикции, где располагаются SPE, «спарринг-офшорными», некоторые называют их еще «офшоропроизводящие». Вот я посчитал, какая у нас доля офшоров и спарринг-офшоров. Здесь я, может быть, допустил некоторую неточность, потому что Кипр, а Кипр у нас основной офшорной юрисдикцией, по крайней мере в 2012 году еще был, несмотря на то, что в 2012 году был кризис, но это итоговые данные Банка России. Как видно из слайда, на эти юрисдикции приходится 70-80% - и в привлеченных инвестициях, и в исходящих инвестициях.

Третья причина. Несовпадение групповых интересов. Действительно у разных экономических игроков разные интересы. Об интересе частных компаний мы говорили, он понятен. Хотя здесь бывают исключения.

В этом плане мне представляется интересным предложение «ЛУКОЙЛа» о создании национальной компании, разработке соответствующего закона. И я вообще-то повторил в своих работах эту идею В. Алекперова. Основной признак национальной компании – это регистрация в России и уплата налогов в России. Конечно задачей «ЛУКОЙЛа» при выдвижении идеи национальной компании было иметь равные возможности с государственными нефтяными компаниями, скажем, в разработке арктических месторождений и т. д. Тем не менее, мне кажется, эта идея заслуживает внимания, но она как-то не нашла поддержки.

Вы посмотрите на государственные компании. Почему офшоры используют государственные компании? Там же нет проблемы защиты от рейдерства. В общем, конечно, есть проблемы торговли, но почему они должны экономить за счет российского бюджета? Вы посмотрите, «Газпром» во взаимоотношениях с той же Украиной – одна офшорная компания за другой, последняя «РосУкрЭнерго», один из хозяев которой, Фирташ, был сейчас задержан в Австрии. У «Роснефти» тоже очень много офшорных трейдеров. Точнее - не много, а просто есть выдающиеся офшорные трейдеры. Я не знаю, как «Газпром», но «Роснефть» предоставляла кредиты, причем в товарной форме, это нефть, но расчет был через несколько месяцев. Причем долг иногда достигал сотен миллионов долларов.

Офшорные интересы дельцов теневой экономики – понятны. Вот коррумпированное чиновничество. Мы говорим о коррупции. Как раз в декабре 2011 г., когда Путин объявил об оживлении кампании по деофшоризации, как раз было собрание или какое-то совещание энергетиков, он же отметил, что у 365 чиновников в этой сфере было 169 компаний, которыми они руководят, и большинство из которых выводили активы в офшор. А какие изменения произошли. Доступной информации нет.

Четвертая причина. Недостаточный уровень международного сотрудничества. Сейчас вообще ситуация, наверно, очень изменится в этой сфере, потому что в одиночку бороться с офшорами невозможно. Сейчас это мировой тренд, он тоже неслучаен. Он связан с кризисом, с переходом мировой экономики на новую модель развития, когда будут более низкие темпы роста и когда будут проблемы с наполнением бюджета. И, конечно, в этом плане ведется поиск новых источников бюджетных доходов.

В ОЭСР разработан план по борьбе с эрозией налоговой базы и выводом прибыли из-под налогообложения. Его отличительная особенность – не только то, что он охватывает новые виды деятельности, например, интернет-торговлю, но и то, что он нацелен на предотвращение увода от налогов легальных доходов компании, на легальные схемы увода прибыли из-под налогообложения. Там целый ряд мер. Но одна из главных мер – это уже разработанный глобальный стандарт автоматического обмена информацией.

Как сейчас будет развиваться ситуация – не знаю. Но мы собирались вступить в ОЭСР, велась работа, в том числе и в рабочих группах по налогообложению. Нам был выдвинут целый ряд претензий, в том числе и по раскрытию информации. Они проверили

наши соглашения об избежании двойного налогообложения – у нас 80 действуют, только 25 из них не соответствуют международным стандартам обмена. Вроде это неплохо. Мы пересмотрели за последние три года только четыре соглашения, где включили вопрос об обмене. Но я просто хотел сказать, что даже если будет налажен обмен информацией, это не гарантирует успехов в борьбе с уклонением от уплаты налогов. Вот голубая колонка на слайде – это число запросов, а бордовая – это число неполученных ответов. В среднем, если взять три года, это примерно 30% неполученных ответов. Кроме того, ответы приходили не вовремя, были неполные. Но даже если в чем-то удастся уличить недобросовестных плательщиков, то здесь проблема судебной системы. Вот данные по работе судебной системы в отношении контроля за трансфертным ценообразованием. Даже при выявлении нарушений таможенной службой, вы видите, что в больше 90% случаев решение суда выносилось в пользу предпринимателей. То есть один из важных каналов перевода прибыли в офшор - трансфертное ценообразование - уловить и, особенно, доказать очень сложно.

Ну а что теперь? Теперь, заморожены контакты с международным сообществом, с ОЭСР, наверное, по крайней мере в ближайшее время, они будут ограничены. И, конечно, этот фактор тоже скажется на эффективности борьбы с офшорами.

Вот последнее, я заканчиваю, на слайде у меня дальше конкретные меры, я могу говорить по каждой из них. Но какой общий вывод – нужен комплексный подход. Все-таки не надо хвататься за одну какую-то из сторон борьбы с офшорами. Это, конечно, прописная истина, но тем не менее.

Системные меры. Я считаю, что, конечно, с отмыванием нелегального капитала надо бороться. Здесь хорошие законы и соответствующие институты. Но надо обратить внимание на легальный отток капитала, потому что есть все-таки понятие, и оно сейчас усиливается, социальной несправедливости и налоговой несправедливости. И эта несправедливость вызывает отторжение общества. Я вам хочу сказать, что, конечно, это очень плохо, что против нас сейчас принимаются какие-то меры, в том числе касающиеся отдельных чиновников, депутатов, но, с другой стороны, судя по реакции, население одобряет, что нечего там иметь счета и собственность за рубежом. Во всяком случае складывается такое впечатление.

Ну и необходимо последовательно и гибко применять принцип пряника и кнута. Причем пряник, видите, я поставил на первое место. А вот что конкретно делать – это у меня все есть на слайдах, но времени уже нет рассказать об этом подробно. Так что благодарю вас за внимание.

**Гурвич.** Может, Вы просто по списку?

**Хейфец.** У меня девять пунктов. А давайте я последний, который мне нравится: возрастание роли нравственных начал при формировании экономической и кадровой политики, общественное осуждение использования офшоров. Смешно. Кто-то улыбается. Но, вы знаете, что во многих цивилизованных странах неприлично говорить о том, что используются офшоры. Я как-то спросил у канадского бизнесмена: «У вас как, офшоры используются?» Он говорит: «Ну конечно. Что же мы идиоты?» – «А как вы об этом говорите?» – «Ты что! Если это станет достоянием гласности, этот человек практически не рукопожатен».

Еще один такой пример. В прошлом году был опубликован список счетов из офшоров. Это, по-моему, из Британских Виргинских островов. Этой информации больше, чем в WikiLeaks, OffshoreLeaks даже назвали. И после этого очень многие страны, около 50, стали принимать какие-то меры, и эти списки вызвали активное обсуждение проблемы в обществе. Вот такая ситуация. Естественно, это не одна мера. Но если все-таки какие-то нравственные принципы в нашей политике усилятся, то это будет хорошо в плане деофшоризации.

Спасибо.

**Гурвич.** Спасибо, Борис Аронович, и за интересный доклад, и за практический вывод, который я для себя сделал: что каждый из нас может внести существенный вклад в борьбу, в деофшоризацию. Кирилл Михайлович, пожалуйста, у Вас два коротких вопроса, которые допускают более-менее короткие ответы.

**Никитин.** Я на самом деле предложил бы Борису Ароновичу вернуться прямо к вопросам, которые мы вынесли в заголовок вот этого диспута, и все-таки высказаться на какую тему... Борис Аронович, вот Ваша программа, которая детально изложена в Вашем докладе, в совокупности «кнутов» и «пряников». Я хочу у Бориса Ароновича спросить, реализация его комплексной программы или какой-то, она вообще как повлияет на экономический рост в Российской Федерации? Я понимаю, что этот вопрос уже и с учетом состояния экономики, и с учетом тех действий, которые они предпринимают на внешнеполитической арене, он как бы такой достаточно абстрактный становится, но, тем не менее, как они соотносятся, задачи по обеспечению экономического роста и по деофшоризации?

И вообще - вовремя ли мы начали говорить-то о деофшоризации? Может, надо было сначала присоединить Крым, «переварить» его, а потом через годик, может быть, как-то деофшоризацией начать заниматься или, наоборот, без Крыма обойтись пока?

**Гурвич.** Кирилл Михайлович, это один или два вопроса?

**Никитин.** Это два вопроса сразу.

**Гурвич.** Два. Хорошо, пожалуйста.

**Хейфец.** Вы знаете, все-таки несмотря на общее одобрение крымских событий, мне кажется, все риски еще не учитываются. Поэтому я не хотел бы это обсуждать, это отдельный серьезный вопрос.

Что касается деофшоризации, мы ее начали по крайней мере два года назад. Это мировой тренд. От этого никуда не денешься. Уводом капиталов в офшоры, их недобросовестным использованием озабочена и недовольна, как мне представляется, значительная часть населения.

Как это скажется на темпах экономического роста. Давайте я просто приведу один пример. Вот Президент РФ бросил упрек Роснефти, что одна из крупнейших сделок прошлого года – это покупка акций у ТНК и ВР – совершилась вне пределов российской юрисдикции. Сумма вот этой сделки в денежном выражении около 44 миллиардов долларов, потому что 19,5% акций «Роснефти» было передано ВР в зачет расчетов по данной сделке.

Какой был ответ руководства «Роснефти»? Я даже не буду ссылаться на уважаемое руководство «Роснефти», а вот на пресс-секретаря этой компании сошлюсь. Он сказал, что это было сделано по настоянию владельцев вот этих акций, то есть ТНК-ВР, прежде всего это консорциума ARR, который управлял ТНК. Но, я думаю, ВР не настаивала. Потому что в противном случае, если бы эта сделка была совершена в России, то им нужно было заплатить налог, 20% у нас налог с прибыли, с разницей между стоимостью вот этого актива, по которой была ими приобретены ранее активы ТНК-ВР. Но и ВР тоже, по-моему, за 3 миллиарда в свое время приобрела этот актив. Вот с этой разницы.

Получение этих доходов способствовало бы развитию российской экономики или нет? У меня разные оценки, но я оставляю этот вопрос без ответа. Я только замечу, почему до сих пор экономические интересы госкомпаний отождествляются с интересами государства и бюджета. Разные есть оценки. По нелегальному вывозу капитала Игнатьев, бывший председатель ЦБ, говорил о бюджетных потерях – до 20 миллиардов прямые и косвенные. Я сделал оценку – 50 миллиардов в результате легального использования оффшорных схем. Сейчас я немного пересчитываю эту цифру. Но по крайней мере около этого, может быть, чуть-чуть поменьше.

**Гурвич.** 50... что?

**Хейфец.** Миллиардов долларов потери бюджета. Что было бы, если наполовину даже сократить эти потери?

**Гурвич.** Вообще от использования офшоров?

**Хейфец.** Нет, это от их легального использования. Потому что с помощью офшоров не только уводятся капиталы, там экономия на процентах по займам... Вы посмотрите, у нас все инвестиции, которые поступают, – это не прямые инвестиции, а кредиты, которые нам предоставляют. Капиталы, вывезенные сначала туда, а потом кредиты в Россию, а плата за них, уходящая за границу, не облагается налогами. Так же как плата за использование интеллектуальной собственности и т. д. Кроме того, это дополнительная возможность экономить на социальном налоге, социальных платежах, которые составляют 30%. Потому что, если с помощью процентов или дивидендов выплачивать доходы, социальные платежи не надо платить. Ну и так далее. Короче говоря, вот это был бы плюс.

**Минус.** Я не знаю однозначного ответа. Когда речь идет о деофшоризации, то не о том, что вообще ликвидировать, не использовать иностранные юрисдикции. Я повторял слова Путина, к которым я присоединяюсь, что давайте, пускай там будут инвестиционные компании, но не надо центров концентрации прибыли. Холдинговых центров, которые владеют собственностью, акциями, также точно не надо. Сейчас это ясно, когда обостряется международная обстановка. Вы посмотрите, на Украине уже есть планы национализации наших предприятий, хотя большинство из них формально принадлежат зарубежным, а не российским компаниям.

А центры прибыли за рубежом – ликвидируются с отменой всех льгот по соглашениям об избежании двойного налогообложения. Вообще это одна из основных моих идей, которая, к сожалению, пока не реализуется... Многие вещи, о которых Вы сказали, сейчас, я знаю, готовятся некоторые законопроекты, они будут воплощены. А основная идея – ликвидация льгот для нерезидентов по соглашениям об избежании двойного налогообложения – нет. Заплатите налоги здесь по российскому законодательству – и потом можно работать за границей, пожалуйста. Все преимущества, которые дает англосаксонское право, можно использовать.

Вот такая моя позиция. Спасибо. Надо короче говорить, предупредили – короткий вопрос, короткий ответ.

**Гурвич.** Спасибо. Пожалуйста, Кирилл Михайлович. 20 минут.

**Никитин.** Я хочу начать с того, что, в отличие от Бориса Ароновича, у меня нет такого детального цельного изложения своих взглядов. Поэтому я хочу высказать, во-первых, большую благодарность оппоненту за то, что так легко было по крайней мере ознакомиться с его взглядами, скажем так. И не уверен на самом деле, что мне есть с чем особенно так поспорить в этих взглядах, то есть по-крупному.

Я работаю в Центре налоговой политики, но поскольку еще работаю и в другом месте, оговариваясь, что вообще излагаю здесь только исключительно свои личные взгляды, не комментирую клиентские дела и т. д. и т. п. Поэтому давайте я попытаюсь немножко поговорить о деофшоризации и тоже – более или менее стройно – попытаюсь изложить мои взгляды на тему того, а что, собственно говоря, с деофшоризацией нужно делать и чего на данный момент в том комплексе мер, которые реализуются, немножечко не хватает. Я, если не против, попрошу полистать слайды.

Вот мы тут попытались немножко в схематическом виде изложить упрощенно, поговорить о том, чего вообще хочется добиться. Вроде как хочется, как сказал Владимир Владимирович в декабре 2013 года, добиться одного – добиться того, что где бы вы, друзья, ни были зарегистрированы, где бы вы ни имели номинальных директоров, где бы вы не имели холдинговые компании, налоги с прибыли, относящиеся к Российской Федерации, платились бы в Российской Федерации. Желание вполне законное, вполне нормальное, вполне понятное.

Как это соотносится с другими желаниями на самом деле, которые были озвучены после, например, на встрече с Шохиным в январе 2014 года, когда заодно был высказан живой интерес к тому, чтобы знать, кто владеет теми или иными компаниями? Я не знаю. Я ориентируюсь на президентское послание и думаю, что основная наша цель – это добиться уплаты налогов в Российской Федерации.

Добиться этого можно на самом деле, условно говоря, несколькими способами. Можно добиться того, чтобы зарубежные компании [той или иной группы компаний] регистрировали в Российской Федерации так называемые постоянные представительства (это налоговый термин). Можно добиться того, чтобы они признавались налоговыми резидентами Российской Федерации. Можно добиться того, чтобы они [группы компаний] в принципе закрывали свои зарубежные компании и переводили бизнес в Российскую Федерацию или хотя бы переводили в Российскую Федерацию центры прибыли. Ну и, собственно говоря, исходя из вот этих соображений, наверное, каким-то образом разворачивается комплекс мер, которые сейчас пытаются реализовать (это то, о чем я только что говорил) в процессе подготовки законодательства.

Дальше мы приходим к выводу о том, что, по большому счету, для того чтобы стимулировать вот это ожидаемое поведение, наверное, есть какие-то стимулы налоговой политики или налогового администрирования, а есть стимулы неналоговые. В президентском послании было достаточно куцым образом обозначено следующее: создать законодательство фактически о контролируемых иностранных корпорациях и одновременно компаниям, оперирующим из офшорных юрисдикций, запретить доступ к государственным и муниципальным контрактам, запретить им доступ к контрактам госкорпораций. Вот, собственно говоря, весь нехитрый перечень мер, который был озвучен в президентском послании и потом затем был транслирован в перечень поручений по реализации президентского послания и точно также транслирован Правительством.

Собственно говоря, наше Правительство уже практически отреагировало, опубликовав в ночь с позавчера на вчера законопроект о контролируемых иностранных компаниях, в который включило также понятие налогового резидентства, и опубликовало вот этот законопроект, от которого у многих, если воспринимать его так, как он написан, немного лезут глаза на лоб. Но многие, правда, воспринимают его как некую такую начальную позицию для торговли, скажем так. Там сказано, что любой контроль за любой компанией, расположенной в широком перечне юрисдикций, не только офшорных, но и низконалоговых... Вы [Борис Аронович] совершенно корректно провели различие между низконалоговыми юрисдикциями, которые, тем не менее, решают все вопросы обмена информацией, и офшорными юрисдикциями, которые обменом информацией вроде как в теории не занимаются. Ко всем этим зарубежным компаниям, которые, так или иначе, контролируются российскими юридическими лицами, российскими физическими лицами и, собственно говоря, российскими налоговыми резидентами (там вполне грамотное определение российского резидентства, хотя и очень расширительное) – к ним будут применяться правила о контролируемых иностранных корпорациях, о том, что если ты не поднял прибыль оттуда на уровень Российской Федерации, то мы эту прибыль считаем по правилам российского налогового учета, присоединяем к твоей собственной российской прибыли и платим с нее налог на прибыль в Российской Федерации. На самом деле если ты поднял, то ты платишь по пониженным ставкам – 9–13%, как это принято... точнее, 9%.

Так вот, что я хочу сказать... Все-таки, вы знаете, я проведу еще, наверное, пять минут, обсуждая перечень мер, которые принимаются, чтобы потом перейти к оставшимся десяти или девяти, восьми минутам – поговорить о том, чего, на мой взгляд, не хватает.

Я тут полистаю немножко слайды пока, не обращайтесь внимания, я остановлюсь на том месте, которое мне понравится. Перечень мер, которые вообще рассматривает Минфин в частности... Я тут не буду даже обсуждать различные экстравагантные идеи,



которые происходят из Следственного комитета, из Совета Федерации, которые, мне кажется, не имеет смысла обсуждать. Надеюсь, что не имеет смысла обсуждать. В общем, весь перечень налоговых мер, которые обсуждаются и имеют шансы быть реализованными, он сводится исключительно, в терминологии Бориса Ароновича, к «кнутам». Исключительно ко «кнутам»: обложить то, обложить другое, третье... Обсуждается введение налога на выплаты за рубеж, ограничение налогового вычета различных расходов, пересмотр соглашений с пересмотром нулевых ставок при удержании налога при выплате за рубеж. Определение бенефициарного собственника, чтобы, опять же, лишить компании возможности использовать договор об устранении двойного налогообложения. Корректировка правил постоянного представительства, налог на распределение прибыли филиалов... Много чего.

Единственное, что не присутствует в поле общественной дискуссии, профессиональной дискуссии – это позитивные стимулы, которые, так или иначе, могут стимулировать компании как-то меньше пользоваться низконалоговыми юрисдикциями, меньше пользоваться офшорами и в большей степени пользоваться нашей Российской Федерацией.

А вот на этом пункте я хотел бы перейти к другой презентации, если это возможно, и поговорить немножко о позитивных стимулах. Знаете, я неслучайно вынес в заголовок, в анонс нашего мероприятия пару цитат не из себя, а пару цитат их первого заместителя председателя Правительства, который по совершенно другим поводам, но очень четко говорит о причинах использования офшоров, зарубежных юрисдикций, низконалоговых и т. д.

Вот уже состоялось президентское послание 12 декабря. А 23 декабря, еще когда мы не поучаствовали в урегулировании политической ситуации на Украине и еще обсуждали вопросы выдачи Украине 15 миллиардов долларов займа, то Игорю Шувалову задали вопрос о том, почему займ выдается в виде еврооблигаций и т. д. И Шувалов нам говорит о том, что переговоры с украинским правительством по тому, как предоставить займ, вели профессионалы высокого уровня. И та конфигурация, которую мы сегодня видим, – что это бумаги, выпущенные по зарубежному законодательству, через ирландскую биржу, оформленные по английскому праву. Это то, что предлагала группа специалистов совместно минфинов Российской Федерации и Украины. Мы считаем (мы уже, не Минфин Украины, а Российской Федерации, Правительство), что в такой форме наши права будут достаточно защищены. Вот.

Ценные бумаги, выпущенные в Российской Федерации, почему-то не представляются нашим специалистам из Минфина достаточно защищенными. То ли с судами что-то не так, то ли с корпоративным правом, с законодательством о ценных бумагах что-то не так, но не представляются они защищенными. Обращу внимание, здесь вообще нет речи о защите от рейдерства, нет речи о защите от непередачи активов при смерти, при наследовании, при разводе и т. д. Государство с государством через ирландскую биржу по английскому праву, с разрешением споров, как я подозреваю, либо в коммерческом арбитраже в Англии, либо где-то там еще, может быть, в Стокгольме... Наверное, в Англии все-таки.

Дальше. Неназванный источник из окружения Игоря Шувалова, в свое время процитированный «Ведомостями», сказал, что в России нет механизмов передачи по наследству бизнес-активов, когда необходимо отделить управляющего от наследника и оговорить условия пользования наследством. Зато, правда, в России есть ситуация, когда в течение шести месяцев все бизнес-активы лежат в наследственном деле у нотариуса и за эти шесть месяцев бизнес растаскивается до нуля. После чего можно уже делить то, что осталось.

Так вот что я хочу сказать... Многие люди, которые занимаются налоговым и прочим законодательством, они скажут о том, что использование зарубежных юрисдикций преследует три цели. Одна – это, безусловно, налоговая оптимизация. На

самом деле две цели. Вторая цель – это защита прав собственности. И здесь речь идет не только о рейдерстве. Вы обратили внимание, что у нас все-таки как-то стали меньше стрелять в Российской Федерации за последние лет 15, может быть, 10? Меньше убийств, конфликтов. Мы не считаем Япончика и прочих людей, которые, видимо, не пользуются офшорами. А каких-то убийств среди бизнесменов стало гораздо меньше. Вот как-то это явно коррелирует с большим количеством разбирательств, которые ведут в английских государственных коммерческих арбитражах наши бизнесмены. Вместо того, чтобы стрелять здесь, стали решать вопросы по английскому праву и в английских судах.

Что я хочу сказать... Все-таки защита прав собственности, она связана с использованием действительно английского права, действительно английского или стокгольмского арбитражей, в меньшей степени американских судов, несмотря на то, что Америка достаточно расширительно толкует юрисдикцию своих судов и иногда в очень спорных ситуациях принимает решения. И, конечно же, совершенно прав Борис Аронович, что, опять же, некоторые инструменты либо англосаксонской системы, либо континентального права используются для того, чтобы обойти некоторые строгие нормы российского семейного законодательства и наследственного права. Фонды, трасты, штифтунги, семейные трасты в первую очередь – они также преследуют цели того, что собственник все-таки сам решает, кому ему свои активы передать. И в российских судах это никоим образом не переворачивается с ног на голову, что неважно, что там покойный решил, а, тем не менее, мы четверть передадим одному наследнику, четверть – другому наследнику и т. д.

В результате всего, возвращаясь к нашей мысли, я хочу сказать, что, добавляя позитивные стимулы в картину дискуссии про деофшоризацию, я не оспариваю саму важность деофшоризации. То есть мне кажется, что она, конечно, в определенных аспектах слегка сомнительна, потому что я, например, не уверен в том, что Российская Федерация должна облагать все доходы российских резидентов и все доходы российских компаний, полученные за рубежом и не распределенные в Российскую Федерацию. Мне кажется, что прежде всего от этой деофшоризации пострадают госкомпании и вот эти, условно, «национальные» компании, которые все зарегистрированы здесь, у всех у них огромные холдинги в Австрии, в Голландии, много где еще. Прекрасно понятно, что в никакие проекты о разделе продукции нельзя зайти из Российской Федерации, нужно заходить [из других юрисдикций]... Это просто условие входа, условно говоря.

Понятное дело, что вся эта полемика между Путиным и, назовем это так, пресс-секретарем Сечина на тему того, что «попросили купить в офшоре»... Вы знаете, [во-первых,] у ТНК-ВР была определенная структура владения, и доли акционеров находились на определенном уровне. И [во-вторых,] если кто-то думает, что можно было это продать в Российской Федерации, то я хочу сказать, Роснефть и сейчас сильно закредитованный бизнес. А если бы понадобилось заплатить еще 20%, на приобретение этой доли, налогов в Российской Федерации, я боюсь, сделки могло бы и не состояться.

К сожалению, часто либо дополнительные налоговые обязательства такого рода, либо дополнительные налоговые обязательства типа НДС на капитальном проекте, они превращают проект, который окупается, в проект, который не окупается. И с этой точки зрения я думаю, возможен вариант, что Российская Федерация не получила бы гораздо больше, чем получила от этой сделки. Может так случиться.

**Хейфец.** Я с этим не согласен.

**Никитин.** Я понимаю, что Вы с этим не согласны...

**Гурвич.** Будет заключительное слово.

**Никитин.** Вы знаете, мне это напоминает историю с квартирами. У нас, знаете, в Москве продаются квартиры, и у нас есть два рынка квартир – которые до трех лет в собственности и которые после трех лет в собственности. После трех лет в собственности доход от продажи квартиры не включается в налогооблагаемую базу, и можно показывать

реальную цену. А до трех лет мы все квартиры продаем по миллиону рублей, иногда по полтора миллиона рублей, и платим там ужасающий этот 13-процентный налог.

Так вот я что хочу сказать... Некоторые люди думают, что если продавец планирует заплатить налог, то он как-то и цену хочет немножко больше за квартиру. Оно и понятно, что [налоговое бремя] поделится между продавцом и покупателем, но при всеобщей практике не платить налоги хочешь заплатить, хочешь показать реальную стоимость по квартире меньше трех лет – пожалуйста, только сделай таким образом, чтобы никто не пострадал. Наценка будет небольшая – на 0,87 разделится цена, и всё. И с Роснефтью, я думаю, произошло бы то же самое, только с той проблемой, что [могло так произойти, что] просто денег [на приобретение] не было бы собрано. Мне так кажется.

Так вот, возвращаясь к нашей последней теме, что я хочу сказать... Мне кажется, что нам нужно для деофшоризуемых компаний, для таких «возвращенцев», если такие найдутся, создать некоторую такую мягкую зону приземления, выложить ее подушками такими, может быть, приятными, которые позволят им из одного уровня комфорта ведения бизнеса перейти к другому, в том числе с точки зрения увеличения налоговой нагрузки и многих других вещей.

Мне видятся эти стимулы следующего рода. В налоговой политике это прежде всего введение нечто типа participation exemption, стандартной, нормальной. То есть то, чем славится Голландия вот эта самая ужасная, которая так много денег зарабатывает на том, что имеет нормальный налоговый режим, который привлекает другие страны, которые иначе бы она не получала. Participation exemption, то есть льготы в связи с участием, приведение ее в более нормальное состояние. Ответ, правда, конечно, если эту идею принести в Минфин, будет заключаться в следующем: «выпадающие доходы бюджета составят вот столько и столько». То, что этих доходов нет, не было и не будет в противном случае – видимо, никого не убеждает. Но вот если бы они были, то они бы, конечно, выпали. Номер один.

С точки зрения налогового администрирования, я полагаю, неплохо было бы поступить следующим образом: чтобы компаниям, которые возвращаются, так или иначе, в Российскую Федерацию... Во-первых, я бы настаивал на перерегистрации в Российской Федерации или переносе центров прибыли. Я бы говорил о том, что становитесь налоговыми резидентами Российской Федерации и платите налоги на прибыль в Российской Федерации. Но при этом сохраняйте возможность использовать английское право, сохраняйте возможность использовать английский арбитраж, судитесь где хотите, а там, глядишь, когда наши два суда объединятся... Некоторые боятся, что они, объединившись, унаследуют худшие черты обоих из судов – Высшего арбитражного и Верховного судов. Но цель этого [объединения], наверное, прямо противоположная. Когда все наладится – тогда будете пользоваться российскими судами и российским исполнением на самом деле решений судов.

Так вот, значит, неплохо было бы, на мой взгляд, это сделать. Но, тем не менее, в области налогового администрирования я предложил бы распространить на эти компании режим «горизонтального мониторинга» (расширенного обмена информацией), который дает некоторую большую степень уверенности в отношении налоговых органов. Предложил бы, наверное, на несколько лет сделать мораторий на налоговые проверки и создал бы на самом деле специализированную налоговую инспекцию, либо межрегиональную, либо в городе Москве, для того чтобы, условно говоря, как-то с ними некоторое время более нежно обходились, чем в принципе в Российской Федерации, но менее нежно, чем там, откуда они пришли. Чтобы все-таки был какой-то смысл в этом мероприятии.

И, наконец, в области неналоговой политики, я думаю, вы знаете, нам нужно либо корректировать закон о международном коммерческом арбитраже, либо создавать отдельный со специальным режимом третейский суд, в который нам придется, я думаю, по примеру Российского футбольного союза и Украинского футбольного союза... Они

привезли в свое время итальянских опытных судей, для того чтобы они занимались повышением качества судейства. Придется, я думаю, нам привезти сюда нескольких английских судей в отставке, пожертвовать таким вот этим нашим суверенитетом и самостоятельностью и дать возможность вот этому узкому кругу, назовем так, деофшоризованных компаний, которых я снабдил бы статусом либо резидента МФЦ, либо возможности...

Воспользовавшись еще предоставленной минутой, я хочу сказать, что надо бы нам на вот этот набор компаний распространить какой-то специальный режим. Я думаю, что можно назвать их либо резидентами Международного финансового центра, либо, возможно, по аналогии с европейским сообществом, некий режим не «национальных компаний»... В Европе есть такие «европейские компании», условно говоря, они создаются в любой стране, но подлежат регулированию на надстрановом правовом уровне». И вот им дать возможность в чуть более комфортных условиях существовать. Это их и пригласит сюда, в Российскую Федерацию, с большей степенью уверенности. И поэтому я заканчиваю тем же, собственно говоря, чем заканчивал Борис Аронович: надо нам добавлять набор «пряников» к набору «кнудов». Я немножко перечислил этот набор. И как-то исходя из этого мы, кажется, можем как-то попытаться реализовать эту деофшоризационную задачу, если вообще кому-то в текущей ситуации хочется ее реализовывать.

**Гурвич.** Спасибо, Кирилл Михайлович. Пожалуйста, Борис Аронович, два коротких вопроса.

**Никитин.** Или один длинный.

**Хейфец.** Я с очень большим интересом выслушал Ваше выступление. Но, как я и подозревал, Вы сторонник той точки зрения, что все-таки офшоры – это полезно больше, больше пользы. В этой связи я хотел спросить: Вы смотрели вот этот новый законопроект о контролируемых иностранных компаниях?

**Никитин.** Я коротко отвечаю: смотрел.

**Хейфец.** И как Вам кажется, вот эти меры, которые предложены для борьбы с офшорами, выводом капитала в офшор, они помогут?

**Никитин.** Мне кажется, нет.

**Хейфец.** Всё, короткий ответ.

**Гурвич.** Отлично.

**Хейфец.** И второе. В чем, как Вам представляется, причина офшоризации. Все-таки грабительская приватизация 90-х годов и не вполне легальные условия работы и зарабатывания доходов России способствовали этой офшоризации и стремлению как раз прятать деньги в офшорах?

?

**Никитин.** Вы знаете, мне кажется, что причина – да, приватизация. Причина номер два – это разгул все-таки... рейдерство в определенный момент...

**Хейфец.** нет, это уже другое.

**Никитин.** Она заменилась, на данный момент, я думаю, наверное, еще не в такой степени, как при Януковиче, но, тем не менее, другого рода давлением на бизнес, правоохранительных, назовем так, структур, которых у нас настолько много. В общем, я что хочу сказать? Мне кажется, что приватизация на начальном этапе имела, безусловно, свое влияние на вывоз капитала и ввоз их потом сюда уже в красивом иностранном виде.

**Хейфец.** Спасибо.

**Гурвич.** Спасибо. Мы переходим ко второй части. Пожалуйста, поднимите руки те, кто хочет задать вопросы. И для участников скажу, что мы собираем все вопросы и потом отвечаем, причем в обратном порядке – сначала Кирилл Михайлович, потом Борис Аронович. Пожалуйста. Просьба называть себя.

**Стулов.** Добрый день. Моя фамилия Стулов, я с кафедры мировой экономики экономического факультета МГУ. Я бы хотел сказать. Я думаю, что коллегам известно,

что офшорный вообще бизнес делится на несколько категорий, и юрисдикции тоже на несколько категорий по степени репутабельности и прозрачности. Вот как бы вы могли объяснить тот момент, что, по имеющимся данным, достаточно широко российские компании именно работают с наименее прозрачными и наименее репутабельными как юрисдикциями, так и секторами бизнеса? Спасибо.

**Гурвич.** Просьба указывать, к кому вопрос.

**Стулов.** К обоим участникам.

**Олегова.** Здравствуйте. Журнал Slon.ru, Екатерина Олегова, экономический обозреватель. Я вчера была на лекции бывшего польского вице-преьера Лешека Бальцеровича ;ему задали вопрос про офшоры, он так и не смог понять, что это такое. «Что? Офшоры? Деофшоризация?» Он не понял, за него ответил Евгений Ясин. Он сказал, что офшоры – это проблема имени Сергея Глазьева и такой проблемы нет. Прокомментируйте, пожалуйста.

**Аузан.** Евгений Григорьевич сказал, Ясин?

**Олегова.** Да, да, да.

**Юдина.** Тамара Николаевна Юдина, экономический факультет. Вопрос к обоим докладчикам. Считаете ли вы налоговую систему России главной причиной офшоризации? Есть мнение, что наша налоговая система является наихудшей в мире. Есть мнение, я повторяю, вы можете не согласиться, потому что она была сконструирована из американской и добавлен туда НДС из Европы. И вот это послужило... Наша налоговая система – главная причина. Либо у вас другое мнение, что главная причина заключается в чем-то другом? Спасибо.

**Гурвич.** Спасибо. Это интересную Вы подсказали тему одного из следующих диспутов – где худшая в мире налоговая система.

**Трухачев.** Сергей Трухачев, экономический факультет. У меня вопрос к Борису Ароновичу по поводу нравственности и легального вывоза капитала. А в чем идея объявления легальных методов вывода капитала безнравственными? Мне не совсем понятно.

**Муж1.** У меня вопрос вот какой: скажите мне, пожалуйста - и Газпром, и Роснефть, если взять самые крупные компании, платят налоги в бюджет, большое количество. А в этих налогах все-таки есть какой-то налог на прибыль? Или их центры прибыли вообще все там, и, значит, они ничего не платят? Вот как чисто количественно это оценить? Может кто-нибудь ответить?

**Гурвич.** Еще вопросы? Всё? Отлично. Тогда, пожалуйста, Кирилл Михайлович.

**Никитин.** А все пять вопросов можно, да?

**Гурвич.** Да.

**Никитин.** Все четыре на самом деле. А, пять...

**Хейфец.** Тут был один мне персонально.

**Никитин.** Да, я один не записывал специально.

**Гурвич.** Здесь мы будем защищать права собственников на вопросы.

**Никитин.** Да. Как понять, почему наименее уважаемые офшорные юрисдикции используются российскими компаниями? Слушайте, я не согласен с постановкой вопроса. Насколько я понимаю, российскими компаниями используются в первую очередь как прокладки Кипр и Голландия, в меньшей степени Австрия, а дальше по цепочке идут их традиционные, скажем так, привязки. То есть, условно говоря, следующим этапом идет то, что традиционно. Понятно, что с Голландией всегда используются BVI. Понятно, что с Кипром есть некий набор тоже стандартных стран. Вы знаете, а Индия всегда использует Маврикий, потому что вот такая у них там связка.

**Хейфец.** А Китай – Гонконг.

**Никитин.** Да. Так что, с этой точки зрения, я не соглашусь с тем, что нереспектабельные. Голландия считается чуть более уважаемой, чем Кипр. А собственно говоря, выбор более-менее и ограничен всем остальным. Люксембург – там,

понятно, что используется для финансовых целей прежде всего или для IP-целей. Так что, в общем, вот с этими тремя – четырьмя странами как-то у нас все это и происходит, и дальше по цепочке с теми офшорами, которые как бы к ним имеют отношение.

**Муж.** Британские Виргинские острова очень широко используются.

**Хейфец.** Ну это одна из самых прозрачных сейчас юрисдикций.

**Никитин.** За Голландией. Но я вам хочу сказать еще одну вещь: Британские Виргинские острова за последние четыре года заключили порядка 80 соглашений об обмене информацией с налоговыми органами всех стран, которые хотели с ними заключить соглашение. С этой точки зрения рассказывать о том, что это офшор, я бы не стал. Низконалоговая юрисдикция – да...

**Хейфец.** Какая разница?

**Никитин.** Я бы сказал еще одну вещь по поводу Британских Виргинских островов. То, что мы сейчас сделали на внешнеполитической арене, я думаю, надолго нам закрыло перспективы пересмотра соглашений об устранении двойного налогообложения, об обмене информацией, о сотрудничестве и т. д. и т. п. И мы будем сидеть с той сетью соглашений, которая есть, если эти не расторгнут на самом деле. Утрирую, конечно, наверное, но мне кажется, что так приблизительно будет.

Дальше. Ясин сказал, что, по его мнению, офшоры – это проблема Глазьева. Я хотел пошутить на тему того, что, наверное, это не единственная проблема Глазьева, в принципе. То есть у него много экономических претензий к разным странам, субъектам и т. д.

Ну слушайте, в общем, я не берусь прокомментировать, что считает польский вице-премьер и что считает Ясин, но понятное дело, что люди в крыле, я бы сказал, правоохранительных органов, Следственного комитета, Совета Федерации, который очень тяготеет к определенным решениям и т. д., для них офшоры – это куда большая проблема, чем для людей, которые считают, что с чего бы не минимизировать налоги, если это можно сделать? Мне кажется, что тут такой примитивный, наверное, ответ с моей стороны, но на этом ограничусь.

Главная ли причина – российская налоговая система? Является ли российская налоговая система худшей в мире? Вы знаете, российская налоговая система, насколько мы знаем из рейтинга, который готовится далеко не российскими и далеко не американскими, и не израильскими, и не украинскими учеными, она каким-то образом рейтингуется.

Например, есть известное исследование Всемирного банка Doing Business, который есть интегральный рейтинг, в котором существует набор более детальных рейтингов по защите прав собственности, доступу к электроэнергетике и т. д. и т. п. Вот в рейтинге Paying Taxes, уплаты налогов, который является интегральной частью вот этого рейтинга, Российская Федерация долгое время «болталась» между 102-м и 105-м местом, затем совершила скачок, если мне память не изменяет, на 68-е или 64-е место, затем совершила скачок еще на восемь мест вперед. В этом есть огромная заслуга на самом деле прежде всего Михаила Владимировича Мишустина, руководителя Федеральной налоговой службы.

Но что я хочу сказать... При всех условностях различных рейтингов я бы подумал, что нахождение в шестой десятке этого рейтинга – это, наверное, очень неплохо. А с учетом того, что, опять же, рейтинг является интегральным и состоит из трех компонентов, один компонент – это total tax contribution (общая налоговая нагрузка, включая социальные платежи), второй компонент – это количество платежей, и третий компонент – это время, которое тратится на подготовку налоговой декларации, и им всем приданы одинаковые веса. Мы прекрасно понимаем, что у нас нет пока что никакого маневра по самому такому, наверное, важному показателю – по общей налоговой нагрузке, потому что у нас и так Пенсионный фонд дефицитный при всем этом

мероприятии и т. д. То есть у нас нет маневра по 1/3 показателей. Я считаю, что мы на отличном месте находимся.

**Юдина.** Тогда какая главная причина?

**Никитин.** Главная причина использования офшоров?

**Юдина.** Да, офшоризации.

**Никитин.** Слушайте, ну мне кажется, что мы пытались это обсудить и в конце доклада Бориса Ароновича, и в конце моей попытки изложить свои мысли. У нас две главных причины. Есть некоторые причины все-таки несовершенства, не до конца совершенного налогового законодательства. Номер один. И все-таки вторая причина – это некоторые проблемы с российскими судами, некоторые проблемы с российским гражданским правом, с российским семейным правом, отсутствие некоторых инструментов, перечисленных детально в докладе Бориса Ароновича. И вот это совокупно, конечно же...

Я не знаю, если бы у меня были большие активы, я бы очень сильно переживал на тему того, что постоянно кто-то хочет знать у нас в госорганах, кому же они все-таки принадлежат. Вот Домодедово почему-то не давало долгое время покоя узнать, кому оно принадлежит. Вот Сургутнефтегаз почему-то, кстати говоря, никого не интересует, кому он принадлежит долгие 20 лет. А вот Домодедово, притом, что Каменщик всегда, понятно, был бенефициаром Домодедово... Почему-то очень сильно нужно было выяснить это дело.

И какое это имеет отношение к национальной безопасности? У нас национальная безопасность начинает толковаться в латиноамериканском варианте: все, что угодно – это национальная безопасность. Какое это имеет отношение к противотеррористической деятельности – мы не знаем. Но вот этот живой и непосредственный интерес всего этого правоохранительного сообщества к владельцам бизнеса, какой-то искренний и непонятно вроде, чем мотивированный, мотивированный национальной безопасностью в основном, он напрягает, я думаю, и тоже через офшоры частично хотя бы пытаются от этого интереса уйти. Хотя я так думаю, что неуспешно на самом деле. Я думаю, что и в Федеральной антимонопольной службе, которая регулярно согласовывает сделки, и в правоохранительных органах, и в спецслужбах прекрасно существуют все перечни бенефициаров всех крупных бизнесов в Российской Федерации. Зачем их еще раскрывать – непонятно.

Ну и наконец, последний вопрос из Института экономики по поводу того, а есть ли в налоговых платежах группы Газпром и группы Роснефть налог на прибыль. Вы знаете, есть, конечно, налог на прибыль в обеих компаниях. Единственное, что я вам хочу сказать... Вы знаете, вот мы говорим про деофшоризацию, а у нас за последний год на 16% обесценился рубль. За текущий год еще намного, на большую сумму, на сколько там процентов...

**Хейфец.** Больше 10%.

**Никитин.** Вот по моделям, которые, насколько я знаю, используются Экономической экспертной группой, у нас экономика должна просто переть вперед в связи с...

**Гурвич.** Наоборот.

**Никитин.** Нет? Неправильно? От обесценения. Нет? Экспорт там как-то вот...

**Гурвич.** Нет, нет.

**Хейфец.** Ну, экспорт

**Никитин.** Нет. Вот видите, неправильно...

**Гурвич.** Мы доказываем, что, по нашим моделям, положительный эффект от девальвации есть, но очень незначительный.

**Никитин.** Очень незначительный.

**Аузан.** Спасибо.

**Никитин.** Так вот я что хочу сказать... Нужно иметь в виду, что отрицательные курсовые разницы нам в еще большей степени налоговую базу по налогу на прибыль за 2013 год уронят, и в прошлом году, и в этом году. А с учетом общего существенного падения прибыльности экономики за 2013 год, конечно, доля налога на прибыль немножко падает, условно говоря.

А налог на прибыль у нас идет на  $\frac{9}{10}$  в бюджет субъектов Федерации. Поэтому не удивляйтесь, если мы в ближайшее время заговорим о прогрессивном налоге на доходы физических лиц, если мы будем постепенно переходить к использованию кадастровой стоимости недвижимого имущества при налогообложении российских физических лиц. И, собственно говоря, в этом году мы начали это делать в Москве, в Московской области и кое-где на Дальнем Востоке в отношении торговых и бизнес-центров юридических лиц, на кадастровую стоимость. То есть от этой безысходности и падения налога на прибыль будет постепенно расти налоговая нагрузка там, где используется та база, которая от экономического цикла не зависит. И это, кстати, наверное, не так уж плохо в какой-то степени.

**Гурвич.** Спасибо. Пожалуйста, Борис Аронович.

**Хейфец.** Мне надо, во-первых, ответить на один вопрос и, может быть, что-то дополнить к тому, что Кирилл сказал. Я не совсем понял вопрос: легальный вывоз капитала как сочетается с нравственностью, что совсем плохо вывозить капиталы из страны.

**Трухачев.** Вы предлагаете бороться с легальным вывозом капитала. Это Ваш основной тезис был.

**Хейфец.** Нет, не бороться, а обратить внимание. В чем мой «пряник» заключается? Сейчас льготы для нерезидентов по вывозу дивидендов, по вывозу процентов за кредит, по плате за роялти. У нас в России существует 9% налога по дивидендам. Для компаний, зарегистрированных во многих юрисдикциях, не только офшорных, а и спарринг-офшорных, 0%, процентов по дивидендам – 5%. У нас 9% для российских и 15% для иностранных. Если мы ликвидируем эти льготы, у нас будет льготная территория в 9%. Вот в этом «пряник». А там будет 15%. А уж капитал всегда ищет где лучше.

Вот тогда будут играть другие правила. Существуют две группы факторов – выталкивающие и притягивающие бизнес в офшоры. Сейчас притяжение в плане экономии на налогах очень серьезное. Если мы ликвидируем офшорные льготы, все равно мы полностью не ограничим вывоз капитала. Тогда не надо было принимать закон о свободном движении капитала по капитальным операциям, то, что разрешил закон о валютном регулировании, по-моему, 2006 года. Но все равно никакой закон здесь не поможет. В 90-х годах все было запрещено, а вывоз капитала был огромен.

И еще я просто дополню. Для меня нравственность – это то, что когда одного из членов Правительства, который отвечал... он был шерпой, я не знаю, может быть, он и сейчас шерпа по иностранным инвестициям... обвинили в том, что он в офшоре держит деньги. Но это же нам неизвестно, а там это известно. И кто будет инвестировать сюда? Он тогда передал в «слепой траст» и закрыл вопрос. Вот, кстати, мы траст не рассматриваем, а это большая проблема. Между прочим, в этом законе Минфина впервые хоть как-то она поднята и обозначена. Траст - это черная налоговая дыра. По оценкам, от 30% до 40% всех офшорных активов контролируются трастами, трастовыми договорами. А это значит, что фактически мы знаем, даже если будут сообщать информацию о бенефициарах, на чем мы настаиваем, она может не отражать реального положения дел. Кстати, непонятно, что с этой информацией делать, если будут нарушения, потому что Совет Федерации, который Кирилл покритиковал, он вообще пошел далеко, он сейчас там уголовную ответственность хочет установить за налоговые нарушения. В Соединенных Штатах Америки есть уголовная ответственность, и штрафы там не от базы неуплаченных налогов, а от базы средств на счетах. Это действительно серьезное наказание.



Так что вот эта нравственность и легальный вывоз – только кнутом и пряником. Кнут тоже, наказания тоже нужны какие-то.

Я мог бы немножко добавить. Кстати, был вопрос о налогообложении прибыли. Не только «Газпром», а все компании сначала налог с прибыли 20% платят в России, а потом выплачивают дивиденды и уплачиваются проценты в зависимости от юрисдикции регистрации компании. Здесь экономия 5% и 9% или 5% и 15%. Плюс социальные платежи. Если посмотреть, сколько выплачено дивидендов крупными компаниями, тем же ТНК-ВР или Сибнефтью, то практически даже больше или половина конечной стоимости, за которую они были проданы. То есть это одна из форм вывоза прибыли.

А вот с этими кредитами. Ведь мало того, тут тоже двойная выгода, тут тоже надо считать. С одной стороны, если в России налог на доходы от использования кредита 20%, как и на любую прибыль, то, если мы вывозим на Кипр или в какую-то другую спарринг-офшорную юрисдикцию – 0%. Кроме того, выплаты за кредит учитываются в плане затрат для снижения налогооблагаемой базы в России. И здесь тоже мы теряем.

Да и по поводу Ясина все-таки. Понимаете, это опять две концепции, две точки зрения. И понятна его политика, и действительно здесь прозвучало, что, конечно, с точки зрения бизнеса очень разные интересы в отношении офшоров. Но никто еще не сказал, насколько это может подорвать основы нашего существования, нашей экономики и насколько от этого будет большой эффект. Мне кажется, что надо попробовать. Но пока меры, которые предлагаются, – у меня очень скептическое отношение к их эффективности, потому что затраты могут быть больше, чем то, что мы получим.

Спасибо.

**Гурвич.** Спасибо. Всё, да?

**Хейфец.** Вроде бы всё.

**Гурвич.** Пожалуйста, поднимите руки те, кто хочет выступить. Два человека. Всё, мы закрываем.

**Никитин.** По 16 минут, пожалуйста.

**Гурвич.** Нет, больше, чем докладчикам, мы не даем тем, кто в зале.

**Никитин.** А это не больше.

**Гурвич.** Пожалуйста, по пять минут. Опять просьба представляться.

**Савин.** Савин Станислав, в прошлом выпускник экономического факультета.

**Аузан.** По-моему, Вы и сейчас выпускник экономического факультета.

**Савин.** Верно, да, остаюсь. Ничего не изменилось.

**Аузан.** Мы Вас не лишали этого высокого звания.

**Савин.** Точно. Вот есть компания «Старбакс», например, и мы все знаем, какая у нее репутация в деловом сообществе, знаем, что она минимизирует, наверное, максимально налоги, в том числе используя систему офшоров. Есть, например, другая multinationals «Икея». Мы знаем, какая у нее репутация и какое у нее отношение национального капитала, и какой она вклад вносит в свою экономику.

Так вот здесь многое говорилось о главной причине. Так главная причина все-таки – это стандарты корпоративного управления, которые вкладываются в мозг наших предпринимателей. То есть, если они считают, что максимально минимизировать налогообложение – это нормально, и даже, более того, они соревнуются друг с другом, кто меньше заплатит в бюджет... Это у них такая типа игра. Причем это иногда доводится просто до абсурда. Иногда даже вот эти предприниматели друг другу хвастаются: «А вот я не плачу за электроэнергию, а ты платишь! Ну ты лох просто!» И это из той же оперы.

То есть до тех пор, пока у нас в стандартах корпоративного управления это будет присутствовать или, допустим, мы будем игнорировать эту проблему как таковую и не будем объяснять людям, что надо вкладывать прибыль максимально в эту экономику... Потому что здесь рабочая сила, здесь инфраструктура, как ее содержать иначе, как не на налоги? Отсюда у нас и проблемы с дорогами, и с чем угодно. Так вот, опять же, все это сводится к тому, как мы воспитываем наших предпринимателей, как мы им объясняем.

Потому что действительно, офшоры решают разные задачи, и где-то, допустим, по гарантиям собственности, наверное, можно согласиться, там действительно где-то у нас недоработки, все это правильно. Но когда речь идет о том, что надо не платить налоги и максимально поощрять вывоз капитала, это просто дико, наверное, с позиции тех самых стандартов западного корпоративного управления.

**Гурвич.** Спасибо. Я бы даже дополнил. Не как мы воспитываем наших предпринимателей, потому что это взрослые люди, что их воспитывать... А какой пример мы им подаем \*. Пожалуйста.

**Митяев.** Дмитрий Митяев, \*. Тоже выпускник экономфака.

На мой взгляд, сегодня обсуждался только один из уровней этой темы, а именно микроэкономический. На мой взгляд, это занимает где-то 5–7% всего дела. Здесь несколько раз упоминался Глазьев. Я немножко знаю его взгляды, и он тоже выпускник экономического факультета. Поэтому я хочу в некотором роде раскрыть это чуть-чуть более подробно.

Есть системный глобальный уровень, и там офшоры или то, что сейчас называется «теневая финансовая система», занимают системообразующую роль. Это прежде всего система деривативов, которая на это завязана, которая оценивается там уже больше, чем квадратиллионы, тысячи триллионов. Это номинальная оценка, понятно, что торгуется там не все, но тем не менее.

И в этой системе офшорные потоки, офшорные, теневые юрисдикции, они являются ключевыми. И, кстати говоря, если мы теперь на страновой уровень, следующий, немножко обратимся, посмотрим, что происходило после последнего кризиса, – никакой реальной деофшоризации, несмотря на все крики и попытки, не произошло на глобальном и страновом уровне. Наоборот, если мы посмотрим цифры, все с точностью... Даже такой был забавный казус. Когда Обама, по-моему, в 2009 году наехал, по-моему, на Большой Кайман (или это была какая-то другая англосаксонская юрисдикция), что там, дескать, в одном здании зарегистрировано 200 каких-то крупных офшорных компаний, ему на это привели контрдовод, что в Делавэре в одном здании 4500 офшоров зарегистрировано и, вообще-то говоря, в Делавэре зарегистрирована Федеральная резервная система еще кроме всего прочего.

Я это говорю к тому, что, обращаясь теперь к России, все не так просто и не так легко с офшорами именно с точки зрения макроэкономики. Потому что мы имеем сейчас 500 миллиардов долларов золотовалютных резервов, чуть меньше, и имеем 750 миллиардов долларов внешней задолженности – корпоративной, государственной – все вместе. И мы ежегодно платим... Разница на проценты. Получаем 1–1,5% от размещения своих резервов и платим 7–8% как раз этим офшорным в основном... Там есть и банки, естественно, но значительная часть, большая часть – это офшорные юрисдикции. Это самовывоз капитала, это люди платят сами себе. Но это невозможно теперь никак уменьшить. Каждый год не меньше 50 миллиардов долларов – это структурный неснижаемый вывоз капитала. Это как бы та рента, которую мы платим мировой финансовой системе за то, что она нас так прекрасно в английских судах обслуживает. А это означает, что мы имеем минус 2–3%, а если с нелегальным вывозом капитала – до 5% вычит из национальных сбережений. То есть это та разница между сбережениями и внутренними инвестициями, из-за которой у нас нет ни экономического роста, ни обновления инфраструктуры, которую мы изнашиваем, донашиваем советское наследство. Тем самым мы не можем решать ни одной ключевой проблемы.

В этой связи на страновом уровне, не только в России, эта проблема стоит очень остро и все более обостряется. Скажем, в Америке, несмотря на то, что, кстати говоря, немножко она постоянно выводится за скобки, американская история, всей остальной финансовой истории, потому что там действительно национальное законодательство имеет приоритет. И любой американский как раз резидент, юридическое лицо, физическое лицо, где бы оно ни получало доходы, обязано платить, вообще говоря... И вот этот

пресловутый сейчас акт FATCA, который принят и будет заставлять все страны и все банки по всему миру, если они не заключили специальное соглашение с американским минфином, они будут удерживать 30% со всех долларовых платежей в пользу американского минфина автоматически.

Но, к сожалению, наш российский минфин, он тоже является офшорным органом, потому что его официальная политика, зафиксированная в правительственных постановлениях, называется «занимай и сберегай». Или сначала сберегай, а потом занимай... Уж в каком порядке – это неважно. Он поступает точно так же, как все наши компании, соответственно, с этими офшорными доходами, которые туда выводятся по этой схеме. То есть он одной рукой порядка триллиона рублей занимает на внутреннем рынке по дорогим ставкам и примерно сопоставимые суммы размещает в фондах национального благосостояния, где уже мы видим, что последние два года эти фонды не растут.

И поэтому возвращаясь теперь... Это в том числе и нравственный аспект. Но на самом деле не столько нравственный, сколько такие жесткие вопросы страновой конкурентоспособности и конкуренции. То есть офшор – это один из важных, если не основных, факторов и способов страновой конкуренции.

То есть как мы относимся к тому обстоятельству, что Владимир Потанин, наш известный, выдающийся предприниматель в числе других ста мировых миллиардеров подписал так называемую «клятву дарения» и практически подарил благотворительным фондам Билла Гейтса, еще каким-то треть «Норильского никеля». То есть это как бы история, которая показывает, чем, вообще говоря, заканчивается офшоризация.

И казус Украины здесь тоже очень интересен, потому что стресс-тест, который сейчас произошел, показал, что практически все крупные украинские предприниматели – и юрлица, и физлица – сыграли в ту игру, в которую они сыграли. Потому что приехала госпожа Нуланд, поговорила отдельно с Ахметовым, со всеми прочими, объяснила им, пошли первые аресты или торможения платежей, и, соответственно, история состоялась как она состоялась.

Поэтому на микроэкономическом уровне все хорошо, и мы не можем запрещать их легальные деньги тасовать по миру как они хотят, но с точки зрения страны здесь другие совсем получают выводы и другие тупики, из которых надо искать какие-то выходы.

Спасибо.

**Гурвич.** Для точности разрешите одно замечание и одну поправку. Когда Вы говорили о наших активах и пассивах, Вы сказали: «Долг частного и государственного сектора и активы государственного сектора». На самом деле у частного сектора тоже есть активы, причем немаленькие. Другой вопрос, что доходность по этим активам почему-то гораздо ниже, чем по нашим внешним обязательствам. Но, тем не менее, эти наши активы сопоставимы. Внешние активы частного сектора сопоставимы с их пассивами. Поэтому эту вещь нельзя упускать в анализе.

**Хейфец.** Но у государства даже больше.

**Гурвич.** И когда Вы говорите, что Минфин занимается офшорной деятельностью, то здесь Вы просто ставите знак равенства между внешнеэкономической и офшорной. Мне кажется, что это, может быть, нюансы, но все-таки не совсем одно и то же – внешнеэкономическая и офшорная.

**Хейфец.** Безусловно, я тоже хотел что-то сказать.

**Гурвич.** Пожалуйста, заключительные замечания, комментарии. Пожалуйста, Борис Аронович, порядка трех минут.

**Хейфец.** Я считаю, что сегодня было полезным обсуждение. К сожалению, мало вопросов, особенно от молодых, я не знаю, студентов и аспирантов. Как правило, когда мы учились, мы как-то более остро реагировали. Хотя это было при социализме, но, тем не менее, задавали вопросы. Я думаю, что все-таки это не начальство сказало не задавать вопросы, а они просто впитывали как губки какие-то новые знания.

**Аузан.** Они просто думают: деофшоризироваться или не деофшоризироваться.

**Хейфец.** Нет, дело в другом. Понимаете, можно сделать вывод, что до нуля никогда не деофшоризируется, но придется стараться это делать, понимаете. Вот у меня есть чувство какой-то социальной несправедливости, налоговой несправедливости. Понимаете, ведь «Окупай Уолл-стрит» и всякие вещи неслучайны. Да, можно сказать: «Работайте, зарабатывайте деньги сами, нечего завидовать честно заработанным деньгам, которые есть у богатых, и т. д.» Но все платят налоги. Это такое средство выравнивания социальных слоев.

Мы, конечно, не решим всех вопросов. И вообще «офшор» – это устаревшая терминология. И хотя я все-таки приписываю себя к этой деофшоризации, потому что я вообще впервые, насколько я понимаю, употребил это слово, в том числе, что сначала офшоризация, потом деофшоризация. Ну хорошо, что привилось. Смысл-то такой, что, конечно, надо создавать какую-то систему, совершенствовать систему нашего налогообложения. И я не воспринимаю негативно в отличие от Кирилла, дифференцированный налог на доходы физических лиц.

Но вот, вы знаете, в феврале президент собирал академиков, мне рассказывали об этой встрече. Снова встал вопрос о введении этой шкалы. Да, скорее всего придется, но пока не время. Конечно, понимают, что очень сложно ввести сейчас эту шкалу. Тем не менее, меньше 30 стран используют плоскую шкалу налогов. А почему 150 стран не используют ее? Да, она дала эффект, но сейчас, наверное, все-таки какие-то другие задачи. Другое дело – какие могут быть издержки, какая шкала... Здесь все Францию приводят – 75%. Во-первых, на два года 75%. А какая была максимальная ставка подоходного налога во Франции? Кирилл, Вы скажете точнее. До 70%...

**Никитин.** 40% с чем-то.

**Хейфец.** 55%, по-моему.

**Жен.** 46%, по-моему.

**Хейфец.** Ну, в общем, около 50%. То есть для них это нормально. И вот, кстати, еще о нравственности. Когда Арно сказал, что он стал бельгийским резидентом, какой шквал национальной критики обрушился, какое презрение было! Так же, как и Депардье. Кадастровая оценка собственности для налогообложения. Мне кажется, тоже очередная ошибка в том плане, что в кризис падает кадастровая оценка, что будет снижаться тогда сумма собираемых налогов. И опять почему кадастровая оценка, рыночная стоимость не предусматривает дифференцированного подхода? Вот эта ставка, по-моему, она одинаково и не зависит от кадастровой оценки. Или будет дифференцированной.

**Никитин.** Я думаю, будет реализован механизм, при котором объекты стоимостью свыше 300 миллионов рублей будут облагаться...

**Хейфец.** Меньшей ставкой?

**Никитин.** По большей ставке, конечно.

**Хейфец.** Вот тут очень важна дифференциация. Ну как это – владеть земельными латифундиями в Подмосковье. Да они должны быть под очень сильным налогом! Вот сейчас обсуждается проблема «золотых парашютов», больших зарплат в госкомпаниях. Ну можно ограничивать, спорить, тремя месяцами, но правильно говорят, что генеральный директор назначит себе такой оклад, что при выходном пособии тремя окладами он получит больше, чем раньше, там, полгодовых или годовых выплат по «золотому парашюту». Наверное, лучше ограничивать дифференцированным подоходным налогом, и тогда невыгодно будет много платить. Конечно, будут использовать схемы, расписывать на нескольких физлиц, опять как-то выводить в офшоры. Но это другое. Значит, надо как-то совершенствовать законодательство против таких действий. Это бесконечный, конечно, путь. Вы скажете: ну другие страны как-то что-то делают.

Вот эта FATCA знаменитая американская. Это очень эффективная система. Это, кстати, единственное, что прошло у Обамы. Ведь он еще в 2007 году, за год до своего избрания, вместе с сенатором Левиным выдвинул целый законопроект о борьбе с

офшорами. И он не прошел в американском Конгрессе. Но FATCA удалось протолкнуть. И, в общем, это очень сильный инструмент. Вплоть до того, что сейчас американским гражданам не открывают счета во многих европейских банках. Потому что связываться с США, делать дополнительную работу - сообщать сведения - никто не хочет.

Конечно, не понятно еще до конца, как FATCA будет действовать. Я на днях читал статью, что стоимость обслуживания вот этого закона об иностранных счетах – около 1 миллиарда долларов. А сколько он даст дополнительных доходов для американской казны?

Так что тема сегодняшнего обсуждения очень благодарная. Мы волей или неволей будем соприкасаться с ней, потому что проблема с бюджетом, с получением дополнительных доходов серьезная, и вот здесь нужны новые идеи. Ждем их от Вас.

Спасибо.

**Гурвич.** Спасибо. Пожалуйста, Кирилл Михайлович.

**Никитин.** Я тоже попытаюсь быстро высказать, может, вдогонку какие-то комментарии.

Во-первых, по поводу двух выступивших я хочу сказать. По поводу стандартов корпоративного управления мне, если честно, нечего сказать. Мне понравилась Ваша фраза о том, что надо же на налоги содержать работающих, работников. Может быть, это оговорка в какой-то степени, но я рассчитывал, что работники все-таки должны там на зарплату содержаться, а на налоги мы все-таки будем содержать в этой стране тех, кто работать по тем или иным причинам не может, скажем так. Это такой, может быть, мелкий комментарий.

**Гурвич.** Бюджетники.

**Никитин.** Ну хорошо, бюджетники, да. Если бы у нас было поменьше госсектора, то, может быть, мы бы как-то и справились побольше с зарплатами для госсектора.

По поводу макроэкономического взгляда. Вы знаете, мне кажется, что мы в конце любой дискуссии сталкиваемся с двумя точками зрения – точкой зрения условно «левой» и точкой зрения условно «правой». Точкой зрения, в которой у страны есть интересы, отличные от совокупных интересов ее граждан, в которой они [интересы страны] живут как-то сами по себе. Точкой зрения о том, что, наверное, не Потанин должен распоряжаться своим заработанным, будем считать, изначально капиталом, а, например, как-то, может быть, какие-нибудь госорганы могли бы ему помочь более корректно распорядиться своим...

**Жен.** [если бы он был законно заработан,] тогда вопросов не было бы.

**Никитин.** А если он не был заработан, то давайте мы услышим правовые претензии к Потанину от тех же самых госорганов. Я думаю, что, может быть, таким образом.

У нас хотели в свое время сделать компенсационный налог, придумывали, криво прочитав английское законодательство, лейбористское 97-го года, и перепутав то, для чего вводился в Англии windfall tax, с тем, что очень хотелось ввести Явлинскому и т. д. Не компенсируются, к сожалению, эти вопросы налоговыми механизмами, вопросы незаконного и несправедливого приобретения собственности. Потому что налогами можно изъять часть, но никак нельзя, забрав у условного януковича две шапки [из трех], типа «приобретенные» им, считать, что третья шапка у него законно оказалась.

Еще несколько вещей я хотел бы сказать. Прогрессивный НДФЛ. Знаете, я хотел бы всех, может быть, обрадовать следующим обстоятельством: у нас [уже] есть прогрессивное налогообложение доходов физических лиц. Поскольку у нас большая часть доходов физических лиц получается в качестве трудовых доходов от работодателя и поскольку у нас существует ставка в 10% платежей в Пенсионный фонд, солидарная ставка, которая никоим образом не влияет на формирование ни накопительной, ни страховой, ни какой там угодно пенсии, и она платится с фонда оплаты труда свыше 568 тысяч рублей в год на человека, то я вам могу сообщить, что на доходы свыше 568 тысяч

рублей на человека в год (50 тысяч рублей в месяц) совокупная налоговая нагрузка (а солидарный вот этот взнос в Пенсионный фонд является налогом по всем своим признакам) составляет обратным счетом 21%. При 13% на основную часть доходов и при 0% за счет стандартных вычетов на первый небольшой кусочек доходов. У нас есть это. Нам этого недостаточно, нам хочется больше, больше и больше.

И тут мы сталкиваемся с нашими любимым, по крайней мере с моим любимым вопросом: а скажите, пожалуйста, а тот, кто зарабатывает больше и владеет большим имуществом, он от государства больше получает, он, может быть, больше пользуется социальной инфраструктурой? Он, может быть, чаще детей отправляет в государственные субсидируемые детские сады? Может быть, чаще пользуется государственными школами или в каком-то большем объеме пользуется государственными школами? Искать справедливость в налоговой системе – это последнее дело. Тот, кто получает от государства больше, чем платит в государственную систему, считает, что нужно еще больше прогрессивных налогов и еще больше бесплатных государственных благ, тот, кто платит в государственную систему... Я не знаю, может, я запутался в словах «больше – меньше». В общем, тот, кто платит больше, чем получает от государства, хочет поменьше государства, поменьше госуслуг, и обойдусь я без обязательного медицинского страхования, без субсидируемых детских садов. Либо заплачу по полной программе, либо каким-то другим образом обойдусь. И так далее.

Это вечный спор, в котором правые вынуждены проигрывать левым на эту тему. И давайте я не буду заниматься самоцитированием. Написана прекрасная книга Яновским из Института Гайдара «Институциональные ограничения экономического роста», там у него есть 13-я глава «Восстановление демократии налогоплательщика», которая исходит из одного простого вопроса – что на самом деле все-таки некоторые считают, что наиболее справедливым механизмом налогообложения является подушевое налогообложение граждан – с одного человека столько-то рублей. А все остальное – это несправедливое перераспределение, о котором в развитых обществах договариваются добровольно. Но при этом, договариваясь добровольно, хочется надеяться, те люди, которые вносят этот увеличенный вклад в бюджетную систему, они ожидают некоторую благодарность от тех, кто из этой налоговой бюджетной системы получают больше, чем в нее платят. И как бы сознательно для социального мира, порядка и т. д., ну и чтобы их в частности не «пришили» в подъезде, условно говоря, вот таким образом выравнивают какие-то жизненные результаты, притом, что жизненные возможности таким образом не выравниваются.

Это мы поговорили чуть-чуть про справедливость. Про FATCA я тоже очень хотел бы прокомментировать, если честно. К сожалению, Соединенные Штаты Америки – это единственная страна, которая в состоянии позволить себе подобные меры. Мы, конечно, можем, наверное...

**Хейфец.** Присоединиться к FATCA.

**Никитин.** Совет Федерации, наверное, может вместе с некоторыми другими экономистами предложить нам аналогичные механизмы. Но я боюсь, что...

**Хейфец.** Они нас с удовольствием примут

**Никитин.** [Что для этого нужно поднимать] ценность российского гражданства... Ведь давайте говорить не про FATCA, давайте говорить о том, что в США любой гражданин является налоговым резидентом, независимо от количества дней, проведенных в стране, и платит всегда все налоги. И все американские соглашения об устранении двойного налогообложения построены таким образом: ты заплати то, что ты заплатил по соглашению в другой стране, а остаток ты заплатишь в Соединенных Штатах Америки, независимо от налогового резидентства, в нормальных правилах типа «183 дня» (или «центр жизненных интересов» и т. д.) К сожалению, это пока единственная экономика, которая может себе позволить вводить такие правила, которые может национальные судебные решения исполнять на самом деле за счет расположенных в США активов, в том

числе по делам, находящимся явно за пределами ее традиционной юрисдикции, и т. д. и т. п.

Вопрос заключается в следующем... Мы США скопировать не можем, Голландию, похоже, скопировать не хотим, а все считаем налоги с тех доходов, которые были бы получены, если бы Роснефть ТНК-ВР купила в России, если бы кто-то еще что-то сделал и т. д. Давайте не предполагать всегда... Возможно, в каких-то ситуациях это так и есть. Давайте всегда по крайней мере не предполагать, не презюмировать, что а купила бы Роснефть ТНК-ВР, если бы... там, это произошло в России...

**Хейфец.** Пришлось бы уменьшить зарплату руководителю Роснефти – не 50 миллионов в год, а издержки.

**Аузан.** Я прошу прощения, Борис Аронович...

**Никитин.** Возможно. Не знаю, что сказать.

И последнее. Вы знаете, я хотел сказать, чуть-чуть отвлекаясь от основной темы... Позвольте мне практически рекламную паузу.

Вы знаете, наша налоговая система, возвращаясь к Вашему вопросу, она скопирована с кого-то или не скопирована, она по многим параметрам очень напоминает нормальные налоговые системы стран ОЭСР, многих других стран и т. д. В ней нет никаких сюрпризов. За одним простым исключением. Это исключение вообще не имеет никакого отношения к офшорам, но, кстати, мне кажется, имеет большое отношение к вопросу нравственности, поднятому с двух сторон как минимум в этой аудитории.

В Канаде доля налогов граждан в доходах консолидированного бюджета Канады составляет больше 50%. В Российской Федерации – 11%. У нас минимальные эти показатели. Наша налоговая система характеризуется тем, что она чрезвычайно централизована как по уровню полномочий, так и по уровню поступлений денег за счет налогов. В результате у нас в Российской Федерации из 83, пока еще, субъектов Федерации 7 субъектов Федерации не получают дотации из федерального бюджета на выравнивание бюджетной обеспеченности, а 76 – получают дотации из федерального бюджета. У нас, конечно, не так, чтобы семеро кормят 76, немножко другое соотношение, но, тем не менее, это результат централизации и поступлений, и налоговых полномочий, и отсутствия налоговой конкуренции между субъектами Федерации, которая выражается зачастую только в полном безобразии типа льгот по ставке налога на прибыль крупным налогоплательщикам.

У нас она централизована и, таким образом, максимально оторвана от человека, и максимально приближена к стране, что позволяет нам все время рассуждать в макроэкономических терминах, но не в терминах конкретного человека. У нас она наполняется в существенной части косвенными налогами. А косвенные налоги, они, конечно, тоже друг другу рознь, но, тем не менее, когда ты идешь в каком-нибудь штате США в магазин, то ты с полок берешь товары по цене без налога с продаж, а потом на кассе тебе добавляется 5%, там, в Мэриленде или 0% в Делавэре здесь упомянутом, или 11%, например, в каком-нибудь Нью-Йорке. Мы не говорим об акцизах. Я что хочу сказать... Так ты на своих выборах в законодательное собрание голосуешь за то, чтобы у тебя было 0%, как в Делавэре, 5%, как в Мэриленде, и т. д.

А вот с НДС немножко хуже, поскольку НДС уже в цене товара, он считается по-другому, он с зачетом, с вычетом входного против исходящего, и никогда не угадаешь. А еще идет, как правило, в федеральный бюджет. Это везде. Только в Индии есть НДС на уровне штатов. Я не говорю, что Индия плохая страна, просто в большинстве случаев по-другому.

Так вот, она [российская налоговая система] централизована, косвенные доходы большую долю занимают. Большую долю занимают неналоговые доходы бюджета. Дальше. Огромную преобладающую долю занимают налоги на юридических лиц, и минимальную – налоги на физических лиц.

И последнее. Уж если мы говорим о налоге на физических лиц, большая часть этой нагрузки – это НДФЛ, который удерживается из зарплаты и про который никто не знает, по большому счету... ну, знает, конечно, в теории, но справку 2НДФЛ мало кто берет, если не нужно для каких-то целей. Получают на руки и получают. И многие не знают, удержал работодатель или просто «черным» образом заплатил. Результат какой? Результат – крайне низкая степень информированности наших граждан о том, что все это замечательное государство содержит ни кто иной как они, и никто больше – ни мировая закулиса, ни Москва, ни Минфин... Прибавки к пенсии у нас были «от Лужкова» всегда, а не из собственного кармана, из кармана твоего внука, и т. д.

И вот у нас получается такая тема, что благодаря вот этому распределению... Слушайте, я криво нарисовал, но логика понятна. Вот внизу есть такой треугольничек – это, собственно говоря, человек, который выступает в роли потребителя госуслуг, в роли налогоплательщика и в роли избирателя время от времени. А сверху на этот треугольничек положена такая планочка. В идеальном мире она равновесно стоит. Вот к этой планочке с одной стороны привесили большую корзинку госуслуг, слева, естественно, а справа – маленькую корзинку госуслуг. Вот в нормальном обществе... Неправильно сказал. В некоторых обществах происходит конкуренция этих взглядов на постоянной основе, конкуренция взглядов между «правыми» и «левыми», между теми, кто платит и знает о том, что платит больше в бюджетную систему, и поэтому хочет минимизировать эффект перераспределения, и между теми, кто, как избиратель Обамы, хочет, чтобы было и food stamps, и вычеты, и дополнительные, типа стандартные, условно говоря, наши эквиваленты, и т. д. и т. п., и все было волшебным. В этой борьбе исторически при всеобщем избирательном праве «правые» обречены на поражение, потому что при неравномерном распределении доходов, если меньшая часть граждан имеет большую часть доходов, получается, так или иначе, но большая часть людей получает из бюджетной системы больше, чем платит в нее, и голосует за раскручивание этого маховика.

Единственное ограничение в этой ситуации – это международная налоговая конкуренция. Если хочется социалистам, дорвавшимся до власти во Франции, установить 75% налог на доходы свыше миллиона евро, то, видите ли, какая проблема: все хорошо бы, но только есть Англия, которая приглашает к себе французские банки, и есть Бельгия, которая приглашает к себе владельца Louis Vuitton Hennessy Moet... Я не буду говорить о Российской Федерации, поскольку Депардьё не стал налоговым резидентом Российской Федерации. Та же самая Бельгия, которая приглашает к себе Депардьё, который не хочет за свои 150 миллионов евро, которые он заплатил во французскую бюджетную систему, получать пенсию из французского бюджета. [И в этой международной налоговой конкуренции, не позволяющей миру сползти совсем «влево», не последнюю роль играют в том числе и низконалоговые юрисдикции, и офшоры.]

**Аузан.** Спасибо.

**Жен.** Можно вопрос?

**Аузан.** Уже нет, уже всё.

**Гурвич.** Это уже в частном порядке. Я рад констатировать, что благодаря нашим замечательным участникам мы в основном ответили на вопрос, вынесенный на диспут – как деофшоризовать Россию. Мне в основном понятно. Не знаю, как вам. Поэтому я предлагаю поблагодарить Бориса Ароновича и Кирилла Михайловича и передаю слово для объявления Александру Александровичу.

**Аузан.** Экономный Кирилл Михайлович... Молодец! Видно, университетский человек – экономит батарейки в наших университетских микрофонах.

Представьте себе, уважаемые дамы и господа, март 2006 года. Тучные годы окружают нас, Ющенко – президент Украины. И так далее, и тому подобное. И в марте 2006 года, ровно восемь лет тому назад, в третий четверг марта происходит первый диспут «Узлы экономической политики». Сегодня восемь лет нашему клубу. Я вас



поздравляю \*. Количество диспутов не очень ровное, потому что это был 84-й диспут. То есть до сотни нам еще придется потрудиться.

**Гурвич.** Еще у нас выездные есть.

**Аузан.** Да, есть выездные, происходят. Пока на пространствах Российской Федерации в основном, между прочим. Пока почему-то ни одного не было в офшорной зоне. У нас деофшоризация прошла раньше.

Завершая сегодняшнее заседание, я хочу сообщить, что 17 апреля, в третий четверг апреля, в 18 часов мы ждем вас здесь, для того чтобы продолжить наши диспуты. В это время будут идти Ломоносовские чтения в МГУ. Но я думаю, это не препятствие, а, наоборот, основание для того, чтобы больше людей пришло на ту тему, которую мы вам сообщим заблаговременно.

**Гурвич.** Александр Александрович, а где участники конкурса «Мисс Эконом»?

**Аузан.** Значит, могу сообщить... Только что получил...

**Гурвич.** Мы их так и не видели.

**Аузан.** А-а-а... Нужно доработать до сотого диспута, тогда мы вам покажем участниц.

**Никитин.** Если это еще будет интересовать кого-то.

**Аузан.** Нужно много и успешно трудиться, чтобы это происходило. Но только что я получил SMS от Михаила Дмитриевича Палта, который возглавлял жюри: Мамырина Нелли победила. Что такое?

**Никитин.** А фотография есть?

**Аузан.** Это Вы ей давали основной шанс? Это вот та, которая завтра идет на комиссию по отчислению? Понятно. Ну что делать, красивая девушка, но линейную алгебру никто не отменял. Поэтому еще раз: «Учись, мой сын, науки ускоряют нам опыты быстротекущей жизни». Всем всего хорошего. До 17 апреля. Всего доброго.